
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ОСТРОУМОВ Сергей Владимирович,
доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук

E-mail: tigpnngu@yandex.ru

ОСТРОУМОВ Николай Владимирович,
доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ostroumovnv@mail.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,

доктор юридических наук

E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

***Аннотация.** Отношение государственной власти к религиозным воззрениям общества всегда находило отражение во внутренней политике, направленной на защиту одних и на искоренение других верований в целях создания оптимальных условий для управляемости социумом. В законах закреплялась юридическая ответственность за осуществление нежелательной или опасной, с точки зрения власти, религиозной практики.*

Опираясь на работы предшественников, авторы проанализировали правовую политику в европейских королевствах раннего средневековья в отношении деяний, нарушающих религиозные нормы. Предметом анализа являлось отношение государственной власти к деяниям, нарушающим религиозные нормы, ее зависимость от разных факторов социально-политической жизни.

***Ключевые слова:** религиозные преступления; варварские правды; осквернение священных мест; осквернение священных времен; идолопоклонство; богохульство; колдовство; ложная клятва; осквернение трупов и гробниц; ересь.*

**OSTROUMOV S.V.
OSTROUMOV N.V.
SAL'NIKOV S.P.**

RELIGIOUS-LEGAL POLITICS IN EARLY MEDIEVAL WESTERN EUROPEAN STATES

The summary. The attitude of the government to religious beliefs society has always been reflected in domestic policy aimed at the protection of one and the eradication of other faiths in order to create optimal conditions for controllability of the society. The laws were fixed legal responsibility for the implementation of unwanted or dangerous, from the point of view of the authorities, religious practice.

The authors investigated the state policy in the European kingdoms of the early middle ages against acts that violate religious norms. The subject of analysis is the attitude of the authorities to acts that violate religious norms, its dependence on different factors of socio-political life.

Key words: religious crimes; barbaric truth; desecration of sacred sites; desecration of sacred times; idolatry; blasphemy; witchcraft; false oath; and the desecration of corpses and tombs; heresy.

Принято считать, что европейская цивилизация – это христианская цивилизация, культура и духовность которой имеет своим источником христианскую религию. Однако нельзя не упомянуть о дохристианских корнях современной западной цивилизации – античной культуре с ее языческой религией, и иудаизме, колыбели монотеистических религий. В современном западном мире все ярче начинают проявляться обыкновения и традиции римского происхождения, противоречащие в некоторых аспектах христианским постулатам [6; 21; 32].

История свидетельствует, что во все периоды своего существования государство брало на себя заботу охраны религии. Осуществлялось это в интересах самого общества, поскольку религия служила фундаментом не только культурной и духовной жизни, но и той средой, в которой общество могло существовать как единое целое. Исследователи истории права и государства отмечают, что в период времени от древности и вплоть до XIX века «право во всех его проявлениях и отраслях было под сильным влиянием религии» [14].

Религиозные нормы, наравне с законами и обычаями того или иного общества были нравственной основой как для древних государств так и государств античного мира. Используя современную терминологию можно сказать, что уголовно-правовые нормы устанавливали юридическую ответственность за нарушение религиозных предписаний, а за некоторые религиозные преступления – суровые уголовные наказания. Особенно ярко такое положение просматривается

в библейских текстах, где находится многочисленные подтверждения особой бдительности государства о религиозном и идеологическом единстве общества. К опасным посягательствам на религию относились: идолопоклонство (Левит 26; Второзаконие 25-27), богохульство (Левит 24: 15-16), ложное пророчество (Втор.18:20, Втор. 13:1-5), колдовство и магия (Втор.18:19), ложная клятва, злонамеренное нарушение религиозных предписаний, несоблюдение субботы (Левит 5:1-7). В качестве наказания чаще всего следовала смертная казнь, которая осуществлялась в виде побивания камнями (Исход, 20:20; Втор. 4:23, Втор.17:2-5; Втор.13:6-9). Подробнее этот вопрос и проблематика западноевропейского раннесредневекового общества исследовались в работах российских ученых [1, 3, 7, 9, 12], как советского, так и досоветского периода. Заметим, что в исторической науке немалое внимание уделялось этим периодам, перечень работ чрезвычайно широк. Среди историко-правовых исследований одним из первых и потому крайне интересных является труд Л.С. Белогриц-Котляревского «Преступление против религии в важнейших государствах Запада: историко-догматическое исследование», который будет ниже неоднократно цитироваться.

В римском государстве языческого периода, задолго до принятия христианства также имелись преступления против религии. Считалось, что преступление оскорбляет богов, как охранителей права и нравственности, вызывает их гнев, который может быть погашен только жертвой, в некоторых особый случаях даже

самой жизнью виновного. Сакральный элемент древнего римского уголовного права выражается особо четко в институте проклятья – *sacer esto* [1, стр. 68]. Эта формула означала, что преступник, как человек, оскорбивший волю богов, объявлялся вне покровительства закона, и каждый, кто убьет его, не только считался в общественном мнении невиновным, но и приобретал благоволение богов. И напротив, тот, кто оказывал покровительство преступнику, подвергался сам гневу богов, как не исполнивший своих сакральных обязанностей. Дополнительным наказанием, фактически посмертным, служило запрещение на «правильное», т.е. согласно обычаям и религиозным ритуалам, погребение проклятого.

В отличие от иудейского государства и права, римское право дохристианского периода, несмотря на его сакральный характер, все же не имело такого теократического оттенка. Среди известных преступлений против религии, сакральными нарушениями были лишь плотская связь весталок и их обольстителей. В прочих преступлениях против религии затронуты были, в первую очередь, государственные и общественные интересы, а не религиозные. Языческий Рим отличался терпимым отношением к чужим религиям. Уклонение от государственного культа каралось только тогда, когда угрожал национальным интересам [41].

Заметим, что религиозная политика Римского государства в период активного расширения его границ допускала либеральное отношение к религиозным верованиям, отличавшимся от официальной государственной религии. Рим не признавал лишь те религии, ритуалы которых считались аморальными, или их последователей подозревали в принесении человеческих жертв. Постепенно римское государство стало проявлять толерантность по отношению к восточным мистическим культам [35, 36]. Ситуация ухудшилась в первом веке нашей эры, когда распространение христианских идей вошло в противоречие с государственной идеологией. Это отразилось на внутренней политике: суровым испытаниям подверглись иудеи и первые христиане. Однако некоторые историки полагают, что мученичество христиан до 3 века было следствием народных волнений, а не государственной политики, которая в целом оставалась толерантной [39].

С распадом Римской империи на карте Европы

появились новые королевства: Остготское, Франкское, Бургундское, Лангобардское и др. варварские, как принято их называть, государственные образования. Основными источниками права у этих народов вначале их истории были варварские правды (запись обычаев германских племен) и королевские капитулярии (акты королей). Государства эти сложились в форме раннефеодальных монархий, они имели между собой много общего, как в социальной, так и в политической структуре. Ситуация с религиозной толерантностью, ранее бывшей в Римской империи, изменилась коренным образом после принятия в них христианства в качестве государственной религии. С этого момента духовенство стало играть важную роль в управлении государством и иметь большое влияние на власть и все общество в целом.

Ответственность за религиозные преступления усилилась и перечень деяний, попадавших под эту категорию, значительно расширился. Во-первых, сюда было отнесено повсеместно распространенное в течение столетий идолопоклонство, включающее, в том числе, принесение в жертву животных, воскурение фимиама, возжигание огня перед алтарями, украшение цветами священных деревьев и пр. Новая власть, ставшая жестким проводником христианской религии, установила, что отправление языческого культа должно караться смертной казнью. Такая же судьба ждала тех, кто добровольно отпал от христианского культа (в иудаизм, в манихейство, язычество) [5, стр. 272]. Появились новые деяния, которые стали считаться преступлениями. Среди них наиболее опасными для спокойствия и идеологического единства общества были названы ересь, схизма, богохульство, клятвopреступление, включая лжеприсягу, святотатство, осквернение трупов и гробниц, волшебство и гадание [1, стр. 74].

В отношении последних следует заметить, что древние римляне дохристианского периода верили в предсказания и почитали авгуров, предсказывавших разные события по различным знакам – полету птиц, по внутренностям животных и пр. Как в языческие времена, так и в христианские простые люди часто обращались со своими проблемами к гадалкам. Но, с точки зрения господствующей христианской религии, эта деятельность являлась греховной

и была запрещена [10, стр. 101]. Будучи захваченными на «месте преступления» предсказатели подвергались телесному наказанию и изгонялись из города. Но если предсказания касались императора или государства, то ответственность ужесточалась, и в виде наказания назначалась смертная казнь. Такая же участь ждала колдунов (волшебников), т. е. тех, кто ночью приносил жертву с намерением околдовать кого-либо, низвести или причаровать. Кроме того, все соучастники процесса, заказчик и подстрекатель подлежали также смертной казни в виде распятия или растерзания зверями, а главного исполнителя надлежало сжечь живьем [2, стр. 107].

Переходя к рассмотрению так называемых религиозных преступлений или, вернее, преступлений против религии, в эпоху раннего средневековья, необходимо отметить, что древние германцы, кельты, и другие племена, населявшие Западную Европу, еще до создания отдельных государств и до принятия христианства, уже имели систему уголовных наказаний, пропитанную сакральными началами. Они были зафиксированы в Варварских правдах, которые являлись записью обычаев того или иного франкского племени: Саксонской правде, Рипуарской правде, Фризской правде, Салической правде и Алеманской правде и др. [4].

Некоторые преступления, согласно этим правовым обычаям, рассматривались как оскорбление богов, и требовали жертвоприношения для их искупления [38, р. 107]. Жертвой должен был стать сам преступник, которому причиняли телесные повреждения или смертную казнь. У северных германцев и галлов, а также и скандинавов, датчан, саксов правом судить и наказывать преступников обладали жрецы. Где власть жрецов была могущественнее, там сакральное начало уголовного права было рельефнее. В Скандинавии, как указывают исследователи, место суда часто совпадало с местом жертвоприношений [34, стр. 23]. Историки уголовного права, опираясь в основном на Варварские правды, отмечают, что у германских народов раннего средневековья к преступным деяниям религиозного характера относились: нарушение мира или осквернение священных мест, осквернение священных времен, богохульство, клятвопреступление, нарушение права убежища, осквернение трупов и гробниц, волшебство и ведовство [43, р. 251-252]. После принятия

христианства в Западной Европе круг деяний, относящихся к нарушению религиозных предписаний, пополнился еще идолопоклонством, ересью и нарушением обрядовых законов.

Рассмотрим некоторые деяния, которые в период раннего средневековья считались преступлениями, но в более позднее время были декриминализованы в связи с принятием христианства или получили другое прочтение. В Законах фризов – одного из германских племен, указывается, что кто осквернит места, посвященные богам (священные дубы, рощи, деревянные языческие святилища и пр.) должен быть принесен в жертву. В христианский период эта норма не касалась дубов и рощ, а стала распространяться на церкви, церковные постройки, кладбища, церковные дворы [1, стр. 72].

Интересным представляется такое преступление как нарушение мира или «оскорбление священных времен». У древних германцев в определенные дни года происходили праздники, посвященные богам. В эти дни проходили суды, собирались народные собрания, решались важнейшие дела и приносились жертвы богам. Считалось, что в это время божество незримо присутствует и участвует в празднике, покровительствуя людям, находящимся на мероприятии. Если кто-либо в это священное время совершал преступление, то оно каралось значительно суровее, чем в любое другое время, поскольку это противоправное действие не просто наносило вред обществу, но и своим пренебрежением оскорбляло богов. Через несколько сот лет этот институт трансформировался уже в рамках новой религии, но не исчез. В конце X века в христианской Франции появляется понятие «божий мир», – время, в течение которого нельзя вести войны, и «божие перемирие» – приостановление военных действий на время поста или праздников.

Интересно, что традиция прекращения военных действий на время религиозных праздников сохранилась до нашего времени. В иудейской, в христианской, в исламской традиции, несмотря на их теологические различия, а также в светском гуманитарном праве существуют нормы, осуждающие нарушение перемирия во время религиозного праздника, т.е. дня, посвященного Богу. В общественном правосознании разных народов с различными культурными традициями и верованиями есть много общих

начал, в том числе чувство священного, чувство высшей справедливости, чувство божественной правды.

Другое деяние – клятвопреступление встречается и в языческий, и в христианский период раннего средневековья. У германских и кельтских племен, у евреев и у римлян клятва играла очень важную роль. Считалось, что сами боги (или Бог) являются свидетелями и заступниками клянущегося человека [42, р. 353-354]. Почти во всех сделках стороны произносили клятву, которая в силу отсутствия иных надежных способов удостоверения и юридической защиты, была своеобразной гарантией от злоупотреблений. Обряд такой клятвы в языческий период был разный, часто при этом требовалось иметь в руках священный предмет. Сила такой клятвы была настолько велика, что она считалась выше даже родственных уз. Ничто не могло оправдать нарушение такой клятвы. «Жизнь моего сына не дороже мне, говорит один северный герой, чтобы я из-за него нарушил мою присягу» [43, р. 980]. У германских народов считалось, что нарушивший клятву или солгавший под клятвой, подвергнется суровой каре божества. Но и это обстоятельство не освобождало виновного от суда человеческого. Клятвопреступление было отнесено к разряду тяжких. В раннехристианский период это деяние получило еще более суровое наказание, часто оно каралось отсечением руки, а иногда и смертной казнью. В период Карла Великого допускалась замена этих наказаний внесением определенной и немалой суммы в государственную казну, однако если лжеприсяга была умышленная, сознательная, то замена денежной компенсацией не допускалась [37, р. 314; 38, р. 123].

Заметим, что в современных светских государствах клятва продолжает играть большую роль. Президенты, вступающие в должность, судьи, врачи, военнослужащие, свидетели и др. дают клятву, каждый свою, в ряде случаев обязательно держа руку на Священной Книге. Такая преемственность древних институтов и политико-правовых традиций в современной жизни, внешне во всем отличной от античных времен, лишней раз подчеркивает верность цивилизационного подхода в исследовании истории государств [8; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33].

Еще одно деяние, осуждаемое с языческих

времен, как преступающее божественную волю, – нарушение права убежища. Здесь так же очевидна определенная преемственность данного института от язычества к христианству. В первый период считалось, что преступник, спрятавшийся в священной роще, не может быть силой оттуда выведен и, тем более, там убит. Однако запрещалось давать ему еду и оказывать помощь. В следующий период, церковь, исходя из учения святости человеческой жизни и признавая всякое пролитие крови грехом, не выдавала преступника, спрятавшегося в здании храма до тех пор, пока преследователь не поклянется пощадить его жизнь. Проповедуя подобное учение, церковь исходила не только из потребности служить христианским идеалам, но и из практических интересов – стремления ограничить кровную месть. Как отмечал Л.С. Белогриц-Котляревский, «требуя избавления преступников, нашедших убежище у алтаря Господа, от смертной казни и причинения насилия, церковь ссылалась на то, что своим прибежищем к церкви преступник уже сделал первый шаг к покаянию и исправлению» [1, стр. 85-86]. Светскими законами хотя и признавалось право убежища, но во избежание злоупотребления им, устанавливалось ограничение – если беглец ворвался в храм с оружием и не сложил его у входа, или, если он пробыл там несколько дней, то его разрешалось забрать силой. Кормить беглеца, спрятавшегося в храме, запрещалось.

Еще одно злодеяние, такое как осквернение трупов и гробниц пришло в христианское уголовное право из языческих правовых обычаев. У германских народов существовал особый культ останков умершего. В гроб вместе с покойным клали его лучшие одежды, оружие, украшения. Способ погребения отличался: где-то устраивали погребальный костер, где-то зарывали в курган. С принятием христианства установилось правило погребения в освященную землю. Если кто-либо украл вещи покойного, причем в большинстве случаев не было различия – погребенного или еще нет, или злонамеренно надругался над останками, подлежал наказанию как за тяжкое преступление. У салических франков ограбление трупа прежде его погребения влекло штраф в размере 62 с половиной солида (наказание как за тяжкое телесное повреждение), тогда как совершение этого действия после погребения – штрафом в 200 солидов (подобно наказанию за убийство)

[42, p. 366].

Среди новых «идейных» нарушений, получивших распространение в раннесредневековых государствах Западной Европы пост-языческого периода, особое место занимала ересь. После того, как христианство становится государственной религией Испании, церковь и духовенство начинают играть там ведущую роль, и иницируют принятие серии законов, которые преследуют всякое малейшее отклонение от догматов католической церкви. Начинается активное и жестокое преследование иудейской религии и ее последователей. Политика испанских королей во многом предвосхитила будущую средневековую инквизицию, создала для нее идеологическую базу.

Совершенно новым криминализованным деянием, стало в раннесредневековых

королевствах «нарушение обрядовых законов», т.е. нарушение обрядов, предписанных церковью. Строго наказывались представители духовенства за нарушение правил celibата и любые проявления симонии [11]. Имелись наказания и за несоблюдение поста, работу в воскресенье и другие нарушения церковных предписаний для мирян.

Подводя итог краткому анализу государственной политики в европейских королевствах раннего средневековья в отношении деяний, нарушающих религиозные нормы в разные периоды истории (языческий и христианский), отметим, что одной из важнейших задач государственной власти была защита господствующей в обществе религии и идеологического единства [13]. Эта тенденция сохранилась в период Высокого средневековья, позднего средневековья и отчасти Нового времени.

Список литературы

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Преступление против религии в важнейших государствах Запада: историко-догматическое исследование. – Ярославль, 1886. – 354 с.
2. Бердников И.С. Государственное положение религии в Римско-византийской империи. Т. 1: Государственное положение религии в Римской империи (до Константина в.). – Казань: Типография императорского университета, 1881. – 580 с.
3. Бердников И.С. Государственный характер римской государственной религии // Православный собеседник. – Казань, 1881.
4. Богословский М. «Варварские правды». Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. Р.Г. Виноградова. Т.1. – М., 1906.
5. Буасье Г. Римская религия от Августа до Антонинов / Г. Буасье; пер.: М. Корсак. – М.: Солдатенков, 1878. – 645 с.
6. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1999. – 235 с.
7. Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. – СПб.: Евразия, 2007. – 283 с.
8. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лядов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
9. Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья: сборник статей. – М.: Издательство АН СССР, 1960. – 407 с.
10. Кипарисов В.О. Свобода совести. Опыт исследования вопросов в области истории церкви и государства с I по IX в. – М., 1883. – Вып. 1.
11. Кондратьева А. Н. К вопросу о запрете симонии и нарушении правил celibата в средневековом каноническом праве Западной Европы // Евразийский юридический журнал. № 3. С. 27-30.
12. Неусыхин А.И. Общественный строй лангобардов в VI – VII вв. Сб. «Средние века», вып. 2. – М., 1948.
13. Остроумов С.В., Романовская Л.Р., Фомичев М.Н. Охрана религии как функция государства в период древности и античности: историко-правовой анализ // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 24-28.
14. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 172-174.
15. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
16. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении

- и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
17. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
 18. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
 19. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
 20. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
 21. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
 22. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
 23. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
 24. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
 25. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186.
 26. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
 27. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
 28. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
 29. Сальников М.В. Развитие русской общественной мысли конца XIV – начала XVI в. // История государства и права. – 2005. – № 1. – С. 49.
 30. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179.
 31. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
 32. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
 33. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.
 34. Стриннгольм А.М. Походы викингов./ Пер. с нем. Шемякина. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 736 с.
 35. Cara Baroja Julio. The Wold of the Witches. – Chicago: University of. Chicago Press, 1964. – 287 p.
 36. Cramer F.H. Astrology in Roman Law and Politics. – Philadelphia: The American Philosophical Society, 1954. – 184 p.
 37. Glasson E. Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre compares au droit et aux institutions de la France depuis leur origine jusqu'a nos jours. Tome quatrieme, Quatrieme periode : depuis Edouard III jusqu'a Henri VIII. – Paris : A. Durand et Pedone-Lauriel, editeurs : G. Pedone-Lauriel, successeur, 1882. – 476 p.
 38. Loiseleur J. Les crimes et les peines dans l'antiquite et dans les temps modernes: Etude historique. – Paris: Librairie de L. Hachette et Cie, 1863. – 392 p.
 39. Monter W. Ritual, Myth and Magic in early Modern Europe. – Athens: Ohio State University Press, 1984. – 184 p.
 40. Sevenster J. N. The Roots of Pagan Antisemitism in the Ancient Wold. – Leiden. 1975. – 235 p.
 41. Svallwood E. Mary. The jews under Roman Rule. – Leiden, 1976. – 595 p.
 42. Thonissen J. J. L'organisation judiciaire, le droit pénal et la procédure pénale de la loi salique. – Bruxelles : Bruylant-Christophe & Comp., 1882. – 578 p.
 43. Wilda W. E. Das Strafrecht der Germanen. – Halle: C. A. Schwetschke und Sohn, 1842. – 997 p.